

К 225-летию начала освоения казаками кубанских земель и 80-летию образования Краснодарского края.

МОЙ ДЕД – КАЗАК ***/воспоминание/***

Потомственного кубанского казака, меня, естественно, с раннего детства интересовали этнические и православно-духовные корни моих пращуров, преисполненная тяжкого драматизма и многих, доселе неразгаданных тайн история казачества, великими трудами, воинской доблестью и ценой немалых утрат обжившего дикие степи Дона и Кубани, надёжно охранявшего южные рубежи нашего Отечества по высочайшему велению Великой императрицы Екатерины II.

Ясно помню, как загорались молодецким огнём глаза моего деда – Акима Ивановича Юдина, когда он усаживал меня рядом с собой и захватывающе повествовал о предках-казаках, о бесстрашных боевых походах в Первую мировую войну, как лихо на боевом скакуне вместе с фронтовыми товарищами преодолевал вражеские бастионы, геройски громил австрияков и германцев, участвуя со своей кавалерийской частью в знаменитом Брусиловском прорыве, и получил из рук самого генерала А.А. Брусилова Георгиевский крест за отважное пленение в бою важного вражеского офицера.

А потом неожиданно замолкал, мысленно перебирая события тех лет, и после долгой паузы с великой горечью в голосе продолжал:

- Бились жестоко, нещадно. Они стреляли в нас, мы стреляли в них. Они убивали нас, мы убивали их. Казаки – люди набожные, перед атаками крестились, целовали нательный крестик и молились: спаси Господи и сохрани, дай сил побить ворога да живым вернуться в отчий дом...

Только судьба не ко всем была милостива, не счесть, сколько моих одностаничников полегло на чужой земле. Вдоволь наевшись войны, наглядевшись на свою и чужую кровь, невольно стал я задумываться: кому и зачем эта жестокая человечья бойня нужна?.. На убийствах ведь ничего хорошего не построишь.

Судить-рядить долго на фронте мне не пришлось. Как-то ранком, ещё густой туман стелился по-над речкой, а солнышко едва занималось за горизонтом, казаки изготовились ударить во фланг спесивым австриякам лихой кавалерийской атакой.

Расположились мы, значит, на позиции, изготовились, ждём команду, успокоительно поглаживаем коней по тёплым шелковистым гривам. Чую, жеребец подо мной нетерпеливо сучит ногами, издаёт горячий тревожный храп, да и сам я волнуюсь, хоть и не впервой шёл в атаку. В голову лезет чёрная мысль: есть такое поверье, коль лошадь под тобой нервничает – жди, казак, своей гибели...

Наконец раздалась протяжная зычная команда крупного усатого подьесаула: «Эскадро-о-н, товсь! Шашки - вон!».

Холодно блеснули в лучах восходящего солнца обнажённые шашки. Ещё миг – и неудержимая казачья лава сметёт каждого, кто посмеет стать у неё на пути. Как вдруг со стороны австрияков донёсся пронзительный, быстро приближающийся вой. Утонувший в нём приказ командира эскадрона - быстро рассыпаться по ложбине -

уже услышан не был: прицельно и густо нас накрыли снаряды тяжёлых немецких гаубиц. Казаки и лошади погибали в обнимку на месте.

Не приведи Господь испытать ещё хоть раз такую страшную бойню!.. В один миг вместо эскадрона образовалось жуткое месиво из шевелящихся в густой крови людских и лошадиных тел. Кавалерийский строй в панике распался...

Последнее, что припоминаю: командир эскадрона ещё пытался организовать атаку, вертелся, как ужаленный, в седле на вздыбленном коне, яростно размахивал шашкой, то изо всех сил кричал, надрывался, то обессилено, хрипло умолял:

- Сынки, куды вы, мать вашу так! Родненькие, поднимайсь! Вперёд! Двум смертям не бывать – одной не миновать...

Но напрасно: кони под всадниками будто взбесились, уздечкам не повиновались, с огромными выпученными глазами шарахались из стороны в сторону, натыкались друг на друга, неистово визжали, сбрасывали с себя и безжалостно топтали копытами раненых казаков, а те, беспомощные, захлёбывались в предсмертном душераздирающем крике от нестерпимой боли. Рядом полыхнул ещё один огромный столб огня и чёрного дыма – и голос командира затих.

В последний миг я ещё успел услышать раздирающий уши скрежет, в голове молнией пронеслось: «Вот и конец, эта бомба моя», как взрывная волна с силой швырнула меня, подхватила, понесла, почудилось, будто я, как вольная птица, лечу куда-то вверх, всё ближе и ближе к огромному, брызжущему нестерпимо ярким светом солнцу...

А как падал на землю – уже не помню. Очнулся от дикой режущей боли в голове в тряской санитарной повозке. Вокруг меня установилась какая-то непонятная гробовая тишина. Хотел было привстать, но едва пошевелился, как снова впал в беспамятство.

Пару месяцев кряду валялся в госпитале тяжело контуженный. Поначалу лежал на койке пластом, не в силах ни говорить, ни слышать, ни толком есть и пить. Из ушей ручьём текла кровь, которую не успевала вытирать добрая сестричка милосердия. Глаза, правда, не пострадали - отчётливо видел длинную белую палату с ранеными в окровавленных бинтах, но криков и стонов их не слышал. Кругом установилась полная, непонятная тишина.

К счастью, слава Богу, остался живой, отлежался. Чуть полегчало, начал с трудом различать, о чём гутарят пострадавшие в боях мои соседи-казаки.

Как-то при очередном обходе раненых подошёл к моей койке старенький, белый, как лунь, доктор. Пощупал крепкими руками мою голову в бинтах, быстро повертел её туда - сюда, как спелый гарбуз на станичном плетне. Потом, близко наклонившись к моим ушам, что-то сказал - раз, другой, третий, а я бестолково мотаю головой, мол, плохо вас слышу. Доктор небрежно махнул рукой, неслышно дал какое-то указание красивой сестричке милосердия и направился к другой койке. Та быстро чиркнула что-то в санитарной книжке и поспешила за доктором. О чём меж собой они обмолвились, я поначалу не понял.

- Слышь, Иваныч! – тронул меня за рукав с соседней койки Парамон, тяжело раненный пулей немецкого снайпера казак-одностаничник. Радуйся, танцуй! Списали тебя подчистую. Дохтур кажить - усё, отвоевалси ты. Ухи твои вконец глухие... Отныне для боёв ты казак совершенно некудышный. До дому как явишься

– кланяйся моим. Не беспокой их, передай, мол, живой ваш Парамошка, здоровый. Скоро, как совсем стану на ноги, и я вслед за тобой прибуду. Дома полный разор, надо будет усё приводить в порядок. Жёнка с малыыми детишками одна, как без мужика управится? Известное дело, всякий дом хозяином держится...

Но не успел я на другой день собрать свои нехитрые вещички и выписаться из госпиталя, как Парамона злая смерть забрала, осиротила его бедных детишек, оставила вдовой несчастную жёнку.

Пришли в палату два дюжих санитаря, небрежно опустили остывшее тело на носилки, прикрыли каким-то серым рядном – и не стало больше Парамона. Кто теперича знает, где его вечная могилка?.. Такая вот она, растреклятая мировая война. Не зря в народе говорят: кому война, а кому мать родна.

А вот о революции 1917 года и последующей братоубийственной бойне Аким Иванович рассказывал почему-то очень скупю, сдержанно и сильно волнуясь. Повзрослев, я узнал причину: от первого брака у деда было два сына: младший – командир красной сотни погиб при ликвидации так называемых белогвардейских «банд», не успевших уйти за Перекоп вместе с отступающей в Крым армией барона Врангеля. За него дед получал от советской власти небольшое денежное пособие, пока предгорную кубанскую станицу Губскую, где он проживал, не захватили гитлеровцы, уничтожив все советские документы и архивы.

После войны Аким Иванович претендовать на восстановление денежной помощи за погибшего сына – большевика не стал, считая это делом не христианским.

А старший сын до конца верно и преданно служил в кавалерии у белых, имел казачье звание есаул. Его судьба так и осталась покрытой тайной.

- Митро сгинул в неизвестности. Отплыл, наверно, с отступавшими частями Врангеля в далёкую Туретчину, может быть, аж в Америку. Кто теперича знает?..» - скорбно говаривал дед, смахивая слезу с худой морщинистой щеки.

...Будучи студентом-филологом института, на пороге зрелой и самостоятельной жизни я внимательно вчитывался в бессмертные строки гениального шолоховского «Тихого Дона», живо представляя себе в образе главного героя романа Григория Мелехова старшего сына моего деда – чубатого казака Дмитрия: в чёрной черкеске с серебряными газырями, в лихо заломленной кубанке, смуглого, усатого, крутоплечего, навеки пропавшего на далёкой чужбине, а может быть, захороненного наскоро где-нибудь в чужой и неприветливой крымской земле...

Но почему бесследно пропавшего? Может быть, эмигрировав, стал бесстрашный казачий есаул русским американцем - таковых были тысячи и тысячи после революции - благополучно прожил остаток жизни, сколько ему Господь отпустил, оставил потомков. Как знать, может, и у меня имеются родственники в сытой, благополучной Америке. Да поди теперь, разыщи их.

Красногалстучный пионер, изрядно начитавшийся книжек про «ненавистных белых гадю», я с дедом порой отчаянно спорил, кипятился, никак не мог взять в толк: почему он не поймёт, что советская власть дала людям долгожданное счастье свободы, равенство и братство?! А угнетатели и жестокие эксплуататоры - царь,

помещики, капиталисты – злостные «классовые враги» трудового народа и потому-де по заслугам своё получили...

Дед искося поглядывал на меня с умным старческим прищуром, неторопливо попыхивал дымком чубуковой трубки, изготовленной его умелыми руками, терпеливо выслушивал мои горячие ребячьи наскоки, потом, глубоко вздохнув, разглаживал прокуренные крепким табаком-самосадам усы и, устремив задумчивый взгляд куда-то в неведомую даль, тихо продолжал:

- Ничего, дорогой внук, время рассудит, кто правый был, а кто виноватый. Господь всё видит, всем судья. То, что ты книжки любишь читать - хорошо. Но не вся правда в книжках. Вся правда в Боге. Подрастёшь, поумнееешь, всё поймёшь...

- Дедусь, - не дослушав, не унимался я, теребя деда за рукав. – Скажи, трудно жилось казакам под гнётом помещиков и капиталистов?

- Жить трудящемуся человеку, внук, всегда трудно, - отвечал Аким Иванович. – Но никакого гнёта, о чём ты говоришь, казаки не знали. Мы изначально были вольными хлебопашцами и защитниками Отечества, честно жили и честно трудились, не гнались за богатством и роскошью, но всё необходимое для жизни имели. Каждый на износ, от зорьки до зорьки в поле работал на себя и свою семью. Не скрою, землицы у казаков было вдоволь, только не ленись, закатывая повыше рукава, с любовью управляйся с ней - матушкой, и она ответит тебе добром, досыта накормит и напоит. Машин уборочных, конечно, таких мудрёных, каких ныне напридумывали, не было, поэтому угодий каждый брал себе столько, сколько мог обработать. Если на радость всей семье рождался сын, зная, хорошая прибавка трудовых рук к домашнему хозяйству - на него по закону казачий атаман дополнительно нарезал несколько десятин земли.

- А если рождалась девочка?

- Если девка, значит будущая невеста. Вырастет – станет красой – девицей. Обузы в доме не доставляла, напротив, училась у матери хозяйствовать, ухаживать за малыми детишками. Все знали: время подойдёт, замуж засватают, пойдёт в дом своего суженого. Казачьи семьи тогда были большими, крепкими, друг от дружки, как нынче - чуть что не так, не разбегались, разводов не знали. Венчались-то в церкви, стало быть, на всю совместную жизнь, и только Бог вправе законных супругов разлучить, то бишь забрать навеки к себе на небеса... В одном только нашем доме проживало душ тридцать. Бывали дворы и поболее. Каждый знал своё место и дело.

- Всё работали, работали, а когда ж вы отдыхали? – допытывал я Акима Ивановича.

- Да, трудились много, что называется, до седьмого пота, особенно в жаркую уборочную страду. Весной, как водится, отдохнувшую опосля зимы земельку пахали, бороили, потом засевали, летом и осенью убирали урожай. Зимой тоже работёнки хватало: справлялись с хозяйством, чинили конскую сбрую – это дело святое, как же казаку-то без коня? Нельзя. Конь тебе и в поле жнец, и в бою молодец! А бабы готовили еду, ухаживали за скотиной, детишками. Зимой, конечно, чуток было полегче. В православные праздники грех работать, обязательно ходили в церковь. Поздней осенью и зимой обычно справляли весёлые свадьбы. Но работы всегда было непочатый край. Надеяться было не на кого. Ближе к весне – опять всё

начиналось сызнова. Жили - не тужили. И трудиться умели, и отдыхать. А приходило лихое военное время – исправно несли службу Отечеству нашему и царю-батюшке.

- Ты же сам, дедусь, говорил, что в горячую страду вы нанимали работников. Это - эксплуатация! Значит, эксплуатировали их?! – твёрдо вёл я свою «классовую линию», пытаюсь как-то сопрячь услышанное в школе на уроках истории с воспоминаниями Акима Ивановича.

- Так какая ж то иксплитация?! – не сдавался, усмехаясь в усы, дед, намеренно искажая мудрёное слово. – При старом режиме пришлые мужики назывались иногородними, землицы своей они не имели, а потому ходили по хуторам да станицам, искали временную работу во время уборки хлебов, а мы не отказывали, хорошо им платили, да ещё и хлебушка вдобавок давали. Пшеничку надо вовремя покосить, быстро помолотить да под крышу убрать? Надо. Иначе она ждать тебя не будет, ещё в колосе осыплется, проворным сусликам да мышам достанется. А своих мужеских рук в семье не хватало, вот и нанимали работников в помощь, «иксплитировали», как ты говоришь. А ежели дожди зарядят да холода ранние нагрянут, что с неубранным зерном будет? Кумекаешь? Поляжет на поле драгоценная пшеничка, обсыплется и погниёт на корню, без хлеба останемся, голодать будем. Бывали лютые неурожайные времена, знаем, казаки на себе всё сполна испытали. Так что, внук, простым людям нечего делить, кроме собственного горя.

- Вот видишь, - наставительно поучал я деда с точки зрения вдолбленной нам классовой теории марксизма-ленинизма, - если бы казаки трудились не по отдельности, а в колхозе, как при советской власти, им куда легче было бы работать в поле, растить хлеб...

- Легче-то, может быть, и легче, умник - разумник ты мой, - дивясь детскому упрямству, отшучивался дед. – А кому наш заработок шёл бы в том колхозе - в чей карман? Ну-ка, прикинь, соображай своим умом! В государственный. Не казаку в дом. Будет, насытились мы теми колхозами при советах. Государство-то - оно вон какое громадное да прожорливое, сколь его не корми – раскорми – всё равно не насытишь. При всём том в каждом царстве-государстве дармоедов знаешь сколько? У всех рот на добытый нашими трудами праведными хлебушек ой - какой широкий!.. Потому-то они такие наетые да напитеые, что-то за всю жизнь худых да болезных я не видывал.

...Спустя время я действительно много узнал, многое переосмыслил. До сих пор стоит перед глазами, как живая, памятная картинка детства: раздумчиво, тихим голосом рассказывает мой дед о нестерпимо горькой доле и вместе с тем героической истории наших славных предтеч - казаков.

В зрелые годы понял я главное: надо бережно хранить в памяти каждую страницу нашего сложного, противоречивого и одновременно славного прошлого, избегать тенденциозных искажений и предвзятостей его толкования, предостерегать потомков от опасных, свойственных молодости, поспешных ошибок и заблуждений. И никогда не торопиться выносить своим отцам и дедам негативных, бездумно-осуждающих приговоров, ибо история многогранна, не терпит однозначных категоричных выводов и оценок. Как мудро заметил выдающийся русский историк-

мыслитель, критик и публицист Вадим Кожин: «Прошлое нужно изучать, а не судить».

...Печальная участь сыновей деда - молодых казаков на взлёте своей жизни, ещё не познавших счастья любви, добрых семейных уз, ставших друг другу до гробовой доски непримиримыми врагами, заставляла меня крепко думать: казалось бы, что им было делить? Отчего так злобно друг друга ненавидеть? Почему оказались изломаны и исковерканы судьбы и души миллионов людей? Как пишут историки, нигде не устанавливалась советская власть в таких муках, как на казачьей земле, на Дону и Кубани. В чём корневая причина нестерпимой взаимной вражды, которая охватила людей единого Отечества, говоривших на родном русском языке, имевших общие исторические, духовные, религиозные корни, и заставляла из года в год безжалостно друг друга истреблять?..

Вспоминая кровавую гражданскую междоусобицу, дед решительно осуждал обе враждующие стороны, с горечью подводя итог:

- И «белые», и «красные» одинаково виноваты перед многострадальной матерью-Россией. Большой грех большевиков в том, что они на словах обещали дать людям свободу, равенство и счастье, а на деле покусились на самое святое – православную веру, расправлялись над людьми ещё похлеще «белых».

Не знаю, какими неисповедимыми путями-дорогами дошло до Акима Ивановича беспощадное распоряжение Ленина о тотальном уничтожении церквей и священников – в нашей бедной хате произведений вождя революции и в помине не было, – но оно ему было хорошо известно: «...Необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады».

Впрочем, как жестоко исполнялось указание вождя революции на местах, Аким Иванович видел своими глазами.

- Насилием насиле не искоренить! - возмущался он. – Наверное, сатанинская месть церквям да священникам у Ленина происходила оттого, что его старший брат Александр замарал свои руки кровью государя и окончил свою нелепую молодую жизнь на виселице. А церковь за него не заступилась, прошения царю о помиловании не подала, потому что он поступил как убивец и богохульник. Испокон веку на Руси грех цареубийства приравнивался ко греху отцеубийства...

А «белые» - те тоже дурни немалые, - сурово насупив брови, говорил дед. - Разве можно кровью удержать свою власть, усмирять голодных взбунтовавшихся людей?! Обе стороны схватились в нещадной драке. О семьях своих, о детишках малых, о работе позабыли. Весна на дворе. Поля заросли густым корявым бурьяном. Земля осиротела, заждалась трудолюбивых людских рук, звала пахать, сеять, пасти скотину, а в разорённых и безлюдных хуторах и станицах страдали голодные, измождённые бабы с детишками, немощные доходяги-старики да измученные инвалиды войны вроде меня. Сколько людей было погублено зазря – числа нету. Как в Святом писании предсказано – так оно всё и случилось. Брат пошёл на брата, сын поднял руку на отца, отец на сына. Перестали бояться Божьего Суда, супротив православной веры пошли, Сатане предались!.. Обезумел народ. Лютовал

немилосердно, никто никого не щадил, не миловал. И что получили? Великое горе, море крови да слёз. До сих пор это горюшко расхлёбываем, всё разобраться не можем, на чьей стороне правда...

Помолчав, ласково погладив меня по голове тёплой шершавой ладонью, Аким Иванович вдруг встрепенулся:

- Никогда не забуду, как уже в конце Гражданской войны в нашей хате нечаянно столкнулись лоб в лоб две моих кровинушки – сыновья Ванька да Митька. Один спешно отступал со своими, наскоро заскочил повидаться, мать и меня напоследок обнять, да прихватить в неизвестную дорогу краюху хлеба. А другой с передовой кавалерийской частью «красных» уже вступал в станицу.

Вместо радости свидания оба жуть как раскипалились, расхорохорились, как молодые петухи, шашки свои из ножен повыхватили, чуть не изрубили друг дружку! Правда, я тогда, хоть и рана моя не зажила, при силах был, обоим неразумным чадам накостьлял по шеям, как следует, заставил стать на колени, покреститься перед образами и хоть чуток в отцовской хате замириться...

А вот повидать живыми мне своих чад после того горького случая так Господь и не привёл: Митро бесследно сгинул, а Ивана, убитого в густых кубанских камышах, я скоро схоронил. Вслед за ним слегла в могилу их мать, которая так исстрадалась, так извелась, что не пережила потери сыновей, помучилась-помучилась и померла. За что ж нам такая кара Божья? Чем мы провинились перед Господом? Видать, за то, что забыли святые молитвы, гробили друг дружку без пощады и совести.

...Для своего времени Аким Иванович был грамотным, начитанным человеком: в детстве окончил станичную церковно-приходскую школу. Научил и меня ещё до зачисления в первый класс довольно бегло читать и писать.

Первое, что я малолетним ребёнком постиг и с удовольствием делал, - писать письма печатными буквами моей маме, проживающей далеко-далеко, на другом конце страны. Зачин моих писем был однообразен, отлажен, как по трафарету: «Здравствуй, моя дорогая мамочка! Во первых строках своего письма я тебе сообщаю, что я жив и здоров, чего и тебе желаю!..». Дальше в письме следовали посильные описания, как мы с дедом занимались тем-то и тем-то по домашнему хозяйству...

Первой моей книжкой, взятой в станичной библиотеке, была тонкая широкоформатная брошюрка «Ёлка в Сокольниках» в мягкой цветной обложке с изображением Ленина. Вождь всех рабочих и крестьян выглядел невероятно широким в плечах и высоченного роста, приветливо, сощуриив хитроватые глазки, улыбался, держал на высоко поднятых руках смеющегося от счастья ребёнка, а на заднем фоне стояла небольшая ёлочка, Владимиру Ильичу до пояса, ярко сверкающая серебряными огоньками новогодних игрушек.

В моём детском сознании В.И. Ленин отложился таким здоровенным верзилкой, который только тем и занят, что раздаёт детям новогодние подарки...

Сам Аким Иванович читал книги серьёзные. Для него это было неким священным ритуалом. Он неторопливо надевал старенькие очки, осторожно, как особую драгоценность, брал книгу в руки, любовался ею, мягко поглаживал ладонью обложку, степенно усаживался, а рядом на столе неизменно лежала школьная

тетрадка, куда он записывал вычитанные умные мысли. Ни бабушка, ни я не могли в это время его беспокоить. Тишина в хате стояла гробовая.

Признаюсь, Библии в нашей домашней библиотеке я никогда не видел, хотя в православно-христианских взглядах деда сомневаться не приходилось. А вот взятые мной в библиотеке книги русских и советских классиков он читал запоем, я не успевал их из школьной библиотеки приносить.

Особый интерес проявил дед к прозе Валентина Распутина. Прочитав за один присест его повести «Живи и помни» и «Деньги для Марии», он воскликнул:

- Это ж надо – писатель советский, а в душе христианин! Внук, ты обратил внимание на его слова? Вот, почитай. И дед показал мне старательно выписанные им в тетрадку слова писателя: *«Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он – духовный оборвыш, любым ветром его может подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст».*

- Какие же толковые, прозорливые и поучительные слова! – долго не переставал восхищаться Аким Иванович. – Посмотри, что нынче в мире делается: кругом людское равнодушие, озверение меж собою, ненависть к своей Отчизне, где тебя мать на свет Божий выпустила, выкохала - вынянчила и в путь-дорожку снарядила. Испоганился народишко-то, духом вырождается, совесть потерял, живёт-существует по неписанному закону – пусть тебе будет плохо, лишь бы мне хорошо. Ежели жизнь и далее так пойдёт - нового всемирного потопа ждать не придётся, сами, как ящурь, изгрызём друг друга и вымерем...

Все, кто с моим дедом общался, отмечали его необычайное великодушие, подельчивость, гостеприимство. К нему часто заходили родичи, приятели-казаки, соседи, одни – вспомнить боевую молодость и Божескую жизнь при царе-батюшке, другие - за советом, как лучше посадить картошку в огороде или лук, третьи - угоститься дедовским крепким табачком-самосадам, который он сам выращивал и старательно обрабатывал в старом, густо пропахшем сухим терпким сеном сарае. И для всех старик находил не только добрые слова поддержки, давал дружеские советы, но и был умелым шорником, мог пошить новую или починить изношенную обувь, отменно владел стамеской, рубанком, фуганком, зачищая доску до зеркального блеска – плотником был, по общему мнению, Аким Иванович знатным.

Не раз я замечал одну особенность: когда дед появлялся в кругу людей, их головы почему-то поворачивались в его сторону. Будто сговорившись, все ждали, а что произнесёт умудрённый большим жизненным опытом Аким Иванович?.. Иногда, правда, старик мог отпустить далеко не лестное словцо по адресу местных нерадивых начальников за то, что они не только не помогают жителям лучше жить, а, напротив, злобствуют, заелись на тёплых должностях, мешают станичникам своими нелепыми указаниями сохранять и множить домашнее хозяйство.

Даром Акиму Ивановичу крамольные речи не прошли. Кто-то из досужих селян «стуканул» на деда, «куда следует», и солнечным морозным днём к нам в хату

зашёл станичный участковый милиционер. Не поздоровавшись, не сняв фуражку, он прямо с порога резко начал:

- Иваныч, знаю, ты старик не глупый, хозяйственный, книжки и газеты почитываешь. Табачок у тебя что ни на есть в самый раз. А вот на язычок ты больно остёр. Ты того, язычок-то свой малость укороти, остерегись, не смущай соседей, небылицы им всякие – разные про наших уважаемых вождей не рассказывай. А то намотают тебе на всю катушку и загремишь под фанфары, как сын твой, Сашка...

- Ты, Петька, сына мово не трожь! – вскипел дед. – Его в ту дурацкую историю проходимцы всякие - разные по молодости лет втянули. Вот отбудет положенный срок и вернётся домой. Он честно воевал, две раны и контузию получил на Курской дуге. Его демобилизовали по ранению, не убёг он с фронта и не отсиживался, как ты, Петро, в станичных милиционерах. Он был и останется человеком, а не арестантом каким-нибудь паршивым.

- У меня, гражданин Юдин Аким Иванович, имеется служебное предписание серьёзно побеседовать с тобой, предупредить, - грозно повысил голос милиционер, больно задетый за живое напоминанием деда, что на фронте он не был ни одного дня. – Я тебя, сам знаешь, сильно уважаю, ты войну мировую прошёл, сына своего – боевого красного командира в Гражданскую потерял. Но болтать тебе лишнего не позволю. Права на то не имеешь. Если что - вмиг упеку, куда надо! Осознал?!

- Да осознал, осознал... - махнул рукой дед. - Какой же ты, Петро, стал занудный. Не по-казацки ведёшь себя. Бога гневишь! Не думал я, когда из ледяной полыньи тебя дитёнком за волосёнки тащил и сам головой своей рисковал, что ты наденешь погоны и без меры возгордишься. Ведь вместе могли под лёд пойти рыб кормить, а ты тонул и орал благим матом: «Люди, помогите! Спасите!». Знал бы, не сжалился над тобой, прошёл себе мимо. Не было бы теперь стервеца милиционера Петьки. Да отца твоего, покойного Парамона, вспомнил, царство ему небесное, с которым в атаки вместе ходили, кровь на позициях проливали, в госпитале месяцами валялись. И наказ его до сего дня помню – побережь сирот-детюшек его. Вот уж, прости Господи, побережёт тебя на свою несчастную голову...

- Ты, Иваныч, меня не стерви! Не я, другой бы служитель порядка нашёлся, ещё хуже тебе было бы, - пригрозил милиционер – И, ухмыльнувшись, помягчевшим голосом продолжал: - Что спас меня, за то тебе, Иваныч, великая моя благодарность, век не забуду. Потому-то и перехватил донос на тебя в «органы», сжёг дотла, а пепел выкинул. Начальству докладывать не стал. Понял, старина? А предупредить тебя от неосторожных шагов по службе обязан, поскольку чёрных людей на свете ещё много шастает, и чего завтра от них ждать придётся – никто не ведает...

Немного поостыв, милиционер Петька и Аким Иванович присели рядом на лавку. Помолчали. Закурили.

При виде, что беседа мужчин вошла в мирное русло, бледная и напуганная до смерти моя бабушка наконец чуть успокоилась, засуетилась, стала расставлять на обеденном столе нехитрую деревенскую снедь: чашки с солёной капустой и огурцами, нарезала крупные куски домашнего хлеба, белого с розовыми прожилками сала. Угожливо пригласила незваного гостя к столу:

- Рады, что Вы нас провели, Пётр Парамоныч, посидите, отдохните малость от трудов своих праведных. Небось, утомились. Спасибо Вам за великую доброту вашу, что не обижаете, сохраняете нас от злобных людей...

- Может, дёрнешь-то стопку с морозца? – перебил бабушку недовольным голосом дед, подвигая ближе к Петьке чарку. – Выпей, не бойсь! Донос на тебя не настрою, бумаги тратить не стану, никогда в жизни таким делом не занимался. Согрейся. Служба-то, видать, у тебя, Петро, и в самом деле не мёд, паршивая. Ну-ка, во все глаза за людьми доглядай, начальству докладывай. Эх, гляди – не гляди, а народу оттого не легче. Хреново, Петро, живём. Вот тебе мой сказ. Сам разве не разумный, не видишь?.. Отощал, измучился, Бога забыл народишко, оттого и душою портится. Строчат по ночам друг на дружку доносы всякие - разные охотники до этих грязных дел на самый верх, а там не до нас, поедом едят друг дружку, всё никак не нахватаются, власть не поделят...

Не став ждать, пока ему нальют горячительного, Петька повесил фуражку на вешалку, торопливо загасил недокурную сигарку концом толстого указательного пальца, придвинул ближе к столу скамью, уселся, потянулся рукой к чашке, подцепив вилкой солёный огурчик, ловко кинул его в свой большой, широко открытый рот и смачно зачавкал. А при виде налитой рюмки совсем расслабился: сменил нарочито грозный вид на милостивый, довольно улыбнулся, расстегнул сияющие золотом пуговицы синего кителя, обнажив заметное круглое пузцо, и, дружески приобняв Акима Ивановича за плечи, уже совсем ласковым голосом доверительно сказал:

- Не откажусь, дедуля. Спасибо за доброту твою и ласку! Я человек служивый, сам понимаешь, но толк в людях знаю – кто отец, а кто подлец. С гадами разными вот так, как сейчас с тобой сижу, рядом и на огороде, понимаешь, не сяду. А тебя уважал и уважать буду, поскольку ты - человек. Понимаешь, Иваныч? Человек!..

Эта памятная для меня беседа продолжалась ещё долго, уже солнце закатилось за горку, и наступил холодный зимний вечер. В комнате стемнело.

О чём ещё тихими голосами говорили Аким Иванович и милиционер Петька, я уже не слышал. Тревожное волнение бабушки, которое передалось и мне, наконец, улеглось, но я долго ещё не мог уснуть, беспокойно ворочался на старом дощатом топчане, под тёплым стёганым одеялом. Наконец заснул крепким безмятежно - сладким сном, каким могут спать только малые беззаботные дети.

...Той ночью мне явилось какое-то странное и несуразное сновидение. Будто я в нашем станичном сельмаге долго примеряю на себя новенький милицейский китель с золочёнными пуговицами, а стоящий рядом мой дедушка вертит юлой в руках большую форменную фуражку и, улыбаясь, пытается нахлобучить её на мою голову со словами: «Носи, носи, внук! Служи в милиции исправно, как Петька! А твоего папку не выпустят из тюрьмы...»

Тут я должен сделать маленькое отступление от сюжета своих воспоминаний и коротко поведать: причём тут злосчастная тюрьма и как в неё попал на долгие годы мой отец – единственный сын от второго брака Акима Ивановича.

...С раннего детства врезались мне в память имена и фамилии чуть ли не всех наших высших партийных и государственных вождей, соратников великого Сталина. И не случайно. Не раз я наблюдал, как по вечерам, освободившись от

хозяйственных забот-хлопот, Аким Иванович усаживался на старинном скрипучем стуле, неторопливо брал чистый лист бумаги, осторожно макал пером в школьную стеклянную чернильницу и медленно, мелким, убористым подчерком старательно выводил: «Прошение о помиловании неправомерно осуждённого сына моего, орденоносца, инвалида 2-й группы, участника Курской битвы с фашистскими извергами-захватчиками нашей великой Родины – СССР Юдина Александра Акимовича...»

Прошения о помиловании чередой направлялись на имя Лаврентия Павловича Берия, Никиты Сергеевича Хрущёва, Георгия Максимилиановича Маленкова, Лазаря Моисеевича Кагановича, Вячеслава Михайловича Молотова, Николая Александровича Булганина... Но желанного ответа от высоких руководителей Аким Иванович так и не дождался: отец мой продолжал отсиживать свой срок. Из Москвы приходили какие-то казённые, не радующие глаз, листы желтоватого цвета в больших серых конвертах.

Получив очередной такой конверт из рук почтальона под расписку, дед снимал с гвоздя большие портняжные ножницы, которые всегда висели на чёрном гвоздике, рядом с тикающими часами-ходиками, и очень осторожно надрезал краешек. Руки его при этом почему-то сильно дрожали, иной раз он даже ронял ножницы на пол. А бабушка, стараясь помочь деду, быстро их поднимала, подавала, и тот, собрав всю свою волю в кулак, наконец, конверт вскрывал. Быстро пробежав глазами написанное, он медленно, всё ещё дрожащей рукой отодвигал казённый листок с печатными буквами в сторону, сидел минут-другую, ни слова не говоря, потом тяжело поднимался и выходил из комнаты покурить.

Бабушка читать совсем не умела, брала в руки злосчастный листок с отказом о помиловании сына, несколько раз перекладывала его из одной руки в другую и начинала тихо, без слёз, стонать. Потом жалостливо гладила меня по голове большой натруженной рукой.

Я тесно прижимался к тёплому боку бабушки и, не понимая причину охватившего нас горя, но каким-то врождённым нутром трепетно ощущая, быстро-быстро повторял:

- Бабусь, не плачь! Выкини эту поганую бумажку. Папка всё равно с тюрьмы скоро придёт!..

Какое же несчастье привело моего отца в заключение?

Дело в том, что, вернувшись с фронта инвалидом, по распоряжению начальства он стал заведовать колхозной кладовой. Молодого, чрезмерно доверчивого, его скоро втянули в группу отъявленных мошенников во главе с неким Лазарем Камышанским, человеком не местным, прибывшим откуда-то из Западной Украины, который, ловко улизнув от призыва на фронт, занимал какой-то важный пост в станичном правлении, окружил себя сообщниками и ловко подделывал страховые бумаги на имеющийся в частных подворьях животных, делая себе на том доходный денежный навар, не забывая одаривать и своих поделщиков жалкими «премиями».

Отец мой нужен был Камышанскому лишь для того, чтобы получать из кладовой продукты по липовым справкам, якобы для нуждающихся демобилизованных воинов. Разумеется, фронтовики и знать не знали, что о них

«заботится» таким мерзким образом «добрый» Камышанский. Да и отец мой, по всему, не давал себе отчёта в том, что ступил на опасную противозаконную стезю.

Следствие без особого труда установило имена главных преступников и немалую сумму нанесённого ими ущерба, но в число их по своему недоразумению и глупой доверчивости попал и мой отец. Времена тогда были суровые, отец схлопотал «десятку». Надо заметить, отделался он ещё сравнительно легко, поскольку главный заводила Камышанский и его подельники получили по 25 и 20 лет тюрьмы и, насколько мне известно, никто из них домой не вернулся, закончив свою жизненную стезю за решёткой.

...Свалившееся не весть откуда огромное горе потрясло до основания нашу семью и чёрным пятном легло на всю жизнь. Мать моя вышла замуж за другого, уехала в Бурят - Монгольскую автономную советскую республику, по месту рождения своего нового мужа, а я остался проживать с дедушкой и бабушкой до своего совершеннолетия.

«Его отец сел в тюрьму, а мать бросила!..» – эта обидная фраза в устах чужих озлобленных людей больно колола меня в самое сердце, ведь дедушка мне объяснял:

- Запомни, внук, твоя мамка тебя не бросила, а оставила нам на время, пока на новом месте не трудоустроится, не обживётся...

Но что-то у мамы не заладилось, «трудоустроивалась» она почему-то очень долго, несколько лет. Не раз пыталась вернуться на Кубань, меня навещала со слезами, горячо прижимала к груди, вся трепетала, как осиновый листок хотела, было, забрать с собой. Но дед её отговаривал мудрыми советами:

- Наташа, подумай, зачем ты сейчас увезёшь внука неведомо куда? Сама не устроена. Мальчонка уже большой, всё понимает, к нам привязался, с чужим дядей вряд ли уживётся. Как сложится твоя семейная жизнь с мужем – сама не знаешь. Пусть внук пока побудет с нами. Шурка с лагеря должен скоро вернуться, глядишь, замиритесь с ним, снова заживёте, как раньше, хорошей крепкой семьёй.

Дед как в воду глядел: родители мои и в самом деле не раз пытались замириться, опять начать свою совместную жизнь, но, видно, не сошлось, судьба их разделила раз и навсегда...

Как-то завидев, что я стою у старого уличного забора и захлёбываюсь в слезах оттого, что опять услышал от злой соседки, будто я «брошенная сирота казанская», а отец мой «тюремщик», дед ласково погладил меня по голове и твёрдо, по-взрослому сказал:

- Дураков, внук, на свете хоть пруд пруди! Никогда их не слушай и слёз не лей. Ты ж казак! Скоро мы переедем в другое селение, и никто знать не будет о нашем горе.

Видно, дед тоже сильно мучился, переживал за единственного живого сына – «арестанта», чья судьба вот так над ним надругалась. Стыдно было станичникам в глаза смотреть...

Через неделю-другую мы осваивались в соседнем селе Мостовом, в маленькой уютной хатке, что неподалёку от выгона. Здесь мне купил Аким Иванович большой, с двумя замками керзовый портфель, и я счастливый и довольный пошёл в первый класс.

...К тому времени случилось в стране огромное горе – умер вождь и учитель всех народов товарищ Сталин.

Как-то мальчишками мы вприпрыжку бегали по мягкой, как пух, мартовской траве в сельском парке и увидели, как у большого репродуктора сгрудилось очень много людей. Почти все – женщины, мужчины и даже дети почему-то громко, навзрыд плакали. Из репродуктора тоже доносились чьи-то глуховатые женские рыдания, лилась тихая траурная музыка.

- Слышишь, дочка Сталина плачет, Надежда Аллилуева... - объяснял какой-то мужчина, близко наклонившись к уху женщины в красивой чёрной шляпке.

Наблюдая эту непонятную сцену, я крайне недоумевал: почему по одному умершему человеку плачет так много чужого народа?.. Ну, понятное дело, я маленький и потому часто плачу, скучаю по маме и папе. А эти, взрослые дяди и тёти, отчего льют такие горькие слёзы? Неужели умерший вождь был им всем отцом родным? Разве такое бывает?..

Вскоре последовала знаменитая бериевская амнистия, и, отсидев в лагере четыре с половиной года, благополучно вернулся мой отец. Несколько дней я от него не отходил, садился к нему на колени, прижимался своей щекой к его гладко выбритой щеке, резко пахнувшей «тройным» одеколоном, и навязчиво приставал:

- Пап, мы пойдём сегодня в кино? Хочешь – поглядим нашу речку или погуляем по парку?

Отец соглашался, ему тоже хотелось ощутить свободу, широко вдохнуть вольного воздуха. А я горел желанием прогуляться на пару с отцом по улицам села, держать свою руку в его широкой тёплой ладони и всем гордо показывать, мол, вот, смотрите, любуйтесь, это мой папка приехал, и никакая я не «сирота казанская»!..

С той поры больше никто и никогда не доводил меня до рыданий, шпыняя горькими, обидными словами, будто отец мой – «тюремщик», а «мать меня бросила...»

Прошло несколько месяцев. Как-то отец быстро вошёл в комнату и с порога громким возбуждённым голосом воскликнул, обращаясь к деду:

- Пап, ты знаешь? Берия – враг народа!! Только что по радио передали.

Дедушка спокойно выслушал и угрюмо произнёс:

- Чему ты радуешься, Шурка? Это - конец стране. Понимаешь? Крепкой руки Сталина не стало, теперь всё начнёт расплзаться по швам, станут драться, смертным поедом жрать друг дружку, как пауки в банке, и рваться к власти те, кто давно за его спиной точил острый ножик...

Кто такой Берия, тогда мне понять было не дано. Начиналась новая, непредсказуемая в своих трагических последствиях эпоха, которую много позже почему-то так называемые «либералы» одобрительно назвали «Хрущёвской оттепелью».

К старости, с тоской вспоминая старую «жисть», Аким Иванович скептически поругивал нынешнюю нерадивую молодёжь, которая в церковь не ходит, ни Бога, ни Чёрта не боится, работать ленится, а всё старается прожить «скандачка», чтоб золотая рыбка исполняла их желания, а курочка несла им золотые яички...

В эти годы нашу страну охватил бум шедших чередой международных фестивалей молодёжи и студентов. В народе пошёл гулять слух, будто после

московского Всемирного Фестиваля молодёжи и студентов 1957 года по стране широко распространились венерические болезни, что в России раньше случалось довольно редко. А после повторного Фестиваля молодёжи и студентов в Москве в 1985 году в СССР начали «цвести» не только сифилис, но и СПИД, и наркомания, и алкоголизм. А вскоре случилась трагедия Чернобыля. И вообще - всё начало безнадежно рушиться, по выражению деда, «полетело к чёртовой матери в тартарары»...

- Если мы всем миром не станем с этим страшным злом бороться – всем будет хана! – восклицал он.

Однажды Аким Иванович завёл дома редкостную для Кубани домашнюю птицу – цесарок. Прямой выгоды от них не было: яйца несли в отличие от кур мелкие, а возни с ними было много. Однако деду нравилось их необычное оперенье в крапинку и тонкие, певучие птичьи голоса. Вся улица сбегалась к нам поглядеть на дедовский хозяйственный эксперимент. Тем не менее, никто не решился заводить эту редкостную теплолюбивую птицу у себя: уж больно много с ней надо было возиться: готовить специальный корм, утеплять на зиму птичник, внимательно следить, чтобы цесарки не упорхнули на своих сильных крыльях на улицу.

Помню необычайную для тёплой Кубани морозную зиму 1956 года. Вопреки недовольству и отчаянным мольбам моей бабушки Марины Петровны Аким Иванович, исходя из своих безмерных сердобольных чувств, пустил в нашу хату на долгое проживание семью цыган с тремя малыми детьми. Цыгане в те времена ещё вольно кочевали по стране по теплу, а на зиму разбивали свои драные обветшалые шатры за селом, на выгоне, конечно, изрядно страдая от лютого холода.

- Замолчь, Маришка! – строго повысил голос на бабушку Аким Иванович. – Цыгане – тоже люди, не звери лесные. Ничего, что в нашей хате места мало – в тесноте, да не в обиде, разместимся как-нибудь. Глянь-ка, как посинели от холода их малые детишки, неужто тебе, старая, не жалко?..

Вернувшись однажды домой из школы, я увидел, как, сидя за большим обеденным столом, Аким Иванович мирно беседует с главой цыганского семейства – смуглым кучерявым мужчиной средних лет. Перед ними початая бутылочка водки – «четушка» и большая деревянная чашка с солёными огурцами и капустой. А в другой комнате, где я обычно учил уроки, на полу возятся маленькие полуголые цыганчата...

Бабушка недовольно поворчала чуток, но, налив мне миску наваристого борща, позвала за стол и новоявленных гостей. Цыганчат долго упрашивать не пришлось: видно, сильно голодные, они гурьбой кинулись к столу. Старинный вместительный чугунок борща был в одно мгновение опустошён.

Заметив, что за письменным столом уселась цыганка-подросток примерно моих лет и что-то старательно рисует моими цветными карандашами, я поначалу разозлился, но уже через час мы увлечённо играли с Лолой – так звали девочку – в шашки. На протяжении долгих зимних месяцев, пока семья цыган проживала с нами в небольшой хатёнке, Лола охотно учила меня замысловатому цыганскому языку. И залиvisto хохотала, когда я с трудом пытался выговорить чужие, трудно произносимые слова.

Как-то, будучи уже взрослым, ехал я поездом погостить на родную Кубань. Соседом по купе оказался знатный цыган – популярный солист единственного в мире Цыганского театра «Ромэн». Как водится, в дороге, мы познакомились, выпили по маленькой, разговорились о том - о сём. Изумлению моего соседа, казалось, не было границ, когда я заговорил на его родном языке. Посыпались вопросы, что да как, где я научился сносно изъясняться по-цыгански?.. Пришлось в подробностях поведать соседу историю яркой жизни моего покойного деда Акима Ивановича и не лишённую юмора картину зимнего квартирования бедной цыганской семьи в нашей сельской хате...

Как говорится, ни что случайным в жизни не бывает. С той поры прошёл не один год, но мы аккуратно обмениваемся с тем артистом письмами, а вход в театр «Ромэн» для меня неизменно бесплатный.

Своим глубоким природным интеллектом Аким Иванович заложил во мне способность понимать первопричины тех или иных катакомбных общественных потрясений – войн, революций, гражданских междоусобиц и других судьбоносных событий.

Часто вспоминая суровые, поучительные рассказы покойного деда, я с горечью думаю: как жаль, что слишком поздно мы спохватываемся, с опозданием наставляем себя и других на доброту и путь истинный. Не ценим дарованную Господом жизнь. В итоге с лихвой пожинаем неисчислимые беды и страдания, нещадно умывается кровью родная мать-Россия...

Безумная и беспощадная мясорубка гражданской братоубийственной бойни (назвать её «войной» у меня язык не поворачивается) безжалостно резала по живому, губила жизни, ломала судьбы миллионов людей, стравливая их в лютой ненависти друг к другу. Кровь за кровь, месть за месть стали сатанинской целью непримиримой революционной схватки.

А потом в отместку казакам за верную службу царю, Отечеству и Православной вере последовали жуткие политические репрессии: так называемое «расказачивание», массовые аресты, расстрелы без суда и следствия, физические расправы даже над малолетними детьми, ссылки на вечное поселение...

Не из крикливых идеологических плакатов и лозунгов, не из конъюнктурных и лживых либеральных писаний, а на трагической, изломанной судьбе шолоховского персонажа Григория Мелехова, имевшего реального прототипа – Георгиевского кавалера Харлампия Ермакова, из правдивых воспоминаний своих предтеч мы познаём подлинную правду незабываемой драматической казачьей судьбы.

КРЕСТ

Неподалёку от кубанского райцентра Выселки широко и вольно раскинулась живописная казачья станица Березанская.

Как и вся Кубань, только за первую половину 20-го столетия она пережила потрясающие катаклизмы своей истории: Первую мировую войну, братоубийственную гражданскую бойню, ужасающее «расказачивание», лютей

голодный мор 1933 года, не говоря уже о зверской немецко-фашистской оккупации...

Неподалёку от станицы установлен необычный памятник невинным жертвам политических репрессий 1920-30-х годов – высокий мрачно-чёрный металлический крест, вздымающийся к небу из тернового венца.

Страшный голод на Кубани, как известно, явился не только следствием затянувшейся невероятной засухи, как утверждают либеральные историки, а был спровоцирован диктатом верховной власти. Люди в кожаных тужурках старательно выгребали в крестьянских избах всё до зёрнышка и отправляли на заготовительные пункты, оперативно отчитываясь перед своими начальниками о проделанной «работе».

С мест в Москву летели телеграммы о стопроцентном и досрочном завершении коллективизации. По существу это был разнузданный грабёж собственного народа. Ничего не оставляя на пропитание, целиком отбирая даже семенное зерно, несчастный народ обрекали на голодную смерть.

Те же, кто пытался противостоять беспощадному террору, подлежали немедленному, без суда и следствия расстрелу или в лучшем случае лишению всех гражданских прав и высылке на далёкую чужбину. Свирепый голод охватил хутора и станицы. Кубань покрылась десятками и сотнями тысяч трупов, их не успевали хоронить. Неоднократно отмечались жуткие случаи людоедства. В избах подолгу лежали рядом больные, умирающие и мёртвые...

Опасаясь вспышки опасных инфекционных заболеваний, власти сформировали специальные команды по массовому захоронению трупов. Суровые, безжалостные люди в кожанках по-хозяйски врывались в крестьянские жилища, поддевали на вилы ещё тёплые трупы и спешно грузили в телеги, вывозили за пределы станицы и сбрасывали в огромный, специально вырытый ров, ставший общей могилой для несчастных жертв геноцида кубанского казачества. На месте глубокого рва и высится теперь зловещий чёрный крест – символ неимоверного горя, страданий и мук наших предтеч.

...В 70-е годы прошлого века группа московских и адыгейских писателей, в составе которой мне посчастливилось быть, посетила это скорбное место.

- Случалось, - рассказывает учитель местной школы, - на вилы поддевали ещё живого, но его мучительный стон не останавливал досужих «ассенизаторов». «Всё равно уже доходит бедолага!» - приговаривали, цинично усмехаясь, и бросали ещё дышавшего человека в телегу с мертвецами.

- Все эти злодейские преступные бесчинства совершал Сталин! – гневно закончил свой рассказ сельский учитель.

- Каганович! – негромко, но твёрдо поправил его стоявший рядом со мной писатель Пётр Проскурин. И продолжил:

- Каганович, одержимый людоедской ненавистью к казакам и ко всему русскому народу, был направлен партийной властью на юг России и спровоцировал голодомор. Это была подлая месть кубанским и донским казакам за их решительное неприятие агрессивной политики «расказачивания» и массового большевистского террора. – А начался геноцид казачества после октябрьского переворота, точнее, с момента принятия зловещей Директивы Оргбюро ЦК РКП (б) от 29 января 1919 года

о беспощадном поголовном истреблении «всех верхов казачества», которую лично подготовил и подписал Свердлов.

«Геноцид казачьего субэтноса есть важнейший эпизод истории геноцида русского народа вообще», - пишет известный историк и публицист Александр Севастьянов.

...У нынешних российских либералов есть хитроумный способ утаивания исторической правды: вину за трагедии 1920-30-х годов они, как правило, велят исключительно на Сталина, но старательно укрывают от разоблачений истории своих идеологических кумиров, таких кровопийц и лютых ненавистников России, как Свердлов, Троцкий, Каганович, Тухачевский... К ним можно также причислить активных подельников Кагановича по геноциду русского народа: С.В. Косиора (Генеральный секретарь ЦК КП Украины), В.Я. Чубаря (член ЦК КП Украины), развязавших настоящий голодомор на Донбассе и в Днепропетровском районе. От голода там погибло свыше трёх миллионов наших соотечественников.

Крупнейший русский мыслитель, писатель и публицист Иван Солоневич в своей работе «Диктатура сволочи» отмечал: «Сотни, а может быть и миллионы людей, «принявших революцию», давно отправлены на тот свет – вроде Троцких, Бухариных и прочих. Дантон по дороге на эшафот орал благим матом: «В революции всегда побеждают негодяи!» ...Робеспьер, пытаясь накануне 9-го термидора получить своё слово в Конвенте, орал: «Председатель убийц, я требую слова!» Все они – все – строили организацию человекоубийства и восторгались этой организацией, пока она не потащила на эшафот их самих. И только тогда, на пороге этого эшафота, когда всё равно – всё уже пропало – они выкрикивают правду о негодях и убийцах» (Потаённое, 2017 г., № 2, с. 7).

Персонифицировать всё зло в Сталине – это значит намеренно уклоняться от правдивой и объективной оценки злодеяний отъявленных русофобов, скрывать их огромные, не подлежащие прощению преступления перед народом. Не зря говорят: полуправда страшнее лжи.

В газете «Правда» (№ 60 от 2 марта 1930 г.) была напечатана статья Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». В ней в решительной и жёсткой форме требовалось устранить «перегибы на местах», которые объявлялись плодом самостоятельности излишне ретивых исполнителей, трактовавших таким образом «генеральную линию партии» на сплошную коллективизацию. Сталин обвинил «левацкие загибы» ретивых обобществителей в «разложении и дискредитации» колхозного движения и сурово осуждал их действия, «льющие воду на мельницу наших классовых врагов».

Вскоре после опубликования статьи постановлением ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении» действия партийных работников, о которых шла речь, были квалифицированы как «левацкие загибы», вследствие чего компания коллективизации была на время приостановлена, а ряд низовых управленцев – осуждён.

Важную роль в устранении пресловутых «левацких загибов» на Дону и Кубани сыграло письмо к Сталину широко известного и авторитетного к тому времени писателя М.А. Шолохова, в котором он подробно изложил ужасы

коллективизации на местах и настоятельно взывал к вождю немедленно покончить с бесчинством ретивых коллективизаторов.

«Что касается «сталинского голодомора» в начале 1930-х гг. на Украине и Дону, то современными исследователями было установлено, что Сталин здесь не при чём, - пишет видный современный историк и публицист Олег Гусев. – Были два подряд неурожайных года. Но было и другое, никогда прежде не виданное и не слыханное – нарушение святой заповеди хлебороба: «Умирать умирай, а поле засевай» - на Дону и на Украине казаки и крестьяне-хлеборобы, поддавшись оголтелой пропаганде «зоологических антисталинистов», перед посевной стали резать волов (лошади для чернозёмов не годятся). Вдобавок, когда созрел урожай, казаки и украинцы отказались его убирать» (См.: Гусев О.М. Наше Русское Дело. СПб.: 2012).

Исходя из вышеприведённых высказываний, драматическая тема коллективизации требует своего глубокого, обстоятельного, объективного анализа

...Возрождение казачества сегодня, уверен, дело полезное, оно воскрешает память прошлого, старые добрые традиции, учит потомков правильно, по-божески жить.

Не надо только вносить в отношения нынешних казаков дух нездорового соперничества, агрессии, взаимной неприязни и раскола. Как мы знаем, дореволюционное российское казачество по своему православному духу было единым, крепким, патриотичным, главным делом для него была защита Отечества, и только враждебные России силы путём политического обмана и лжи смогли расколоть казачество на два непримиримо противостоящих лагеря. Вот на этой патриотической основе и давайте чтить память своих славных предков, возрождать бессмертные традиции казаков.

...Отчётливо помню, как уже незадолго до своей кончины мой дед Аким Иванович, внимательно наблюдая за ряжеными, шумливыми, погрязшими во взаимных склоках, вдрызг упившимися «казаками», которые, нещадно бия себя кулаками в грудь, истошно «впаривали» друг дружке, будто только они что ни на есть самые - самые «истинные» потомки казаков, а другие – так себе, «нечисть паршивая», - с осуждением адресовал им иронично-грубоватую, но точную по смыслу, стародавнюю казачью поговорку (её я здесь подаю в смягчённом варианте): «Мой дед – казак, отец – сын казачий, а он - пёс бродячий!..»

Да простится герою Первой мировой, покойному деду моему, доблестному кубанскому казаку эта грубоватость. Царствие ему, православному, Небесное! Вечная слава казакам, честно и верно служившим Русскому Отечеству и вере Православной!

Наш нравственный долг – свято чтить былое величие далёких предков-казаков и бережно передавать светлую память о них из поколения в поколение, будить высокое патриотическое чувство сограждан. Тогда наше Отечество станет духовно здоровым, успешным и процветающим. Да будет так!

Владимир Юдин,
г. Тверь